

Філярет Колесса. Розсліди й видання словянських пам'яток апокрифічної літератури (стр. 115—132). Общий, преимущественно библиографический обзор работ русских и славянских ученых по апокрифам.

Іван Огієнко. Крехівський апостол 1560-х років (стр. 185—194). Краткое изложение большой работы того же автора, изданной по-украински в Варшаве (1930).

P. P. Ponaftescu. *La littérature slavo-roumaine (XV—XVI s.) et son importance pour l'histoire des littératures slaves.* Ценный сам по себе доклад мог бы иметь еще более существенное значение и для русской литературы, не ограничь себя автор одним общим положением: не касаясь фактов взаимоотношений между молдаво-валашской славянской письменностью и отдельными славянскими литературами, он поставил себе целью сделать в этом отношении лишь первый шаг: выяснить, что приобрела и сохранила эта молдаво-валашская письменность (преимущественно XV и XVI вв.) в качестве материала для истории славянских литератур; с этой целью он перечисляет югославянские памятники письма и литературы, (преимущественно религиозно-церковные) перенесенные в молдаво-валашскую среду, останавливается на самостоятельных, на славянском языке, созданных в Молдавии и Валахии памятниках (хроники, Поучение Нягоя, труды Цамблака). Уже на основании этого перечня можно бы поставить вопрос о влиянии молдаво-валашской письменности на русскую: я имею в виду хотя бы появление рукописей молдавского письма на русской почве, создание здесь (главным образом на юге) особой каллиграфической манеры письма, несомненно, идущей из Валахии и Молдавии, и др.

М. В. Шахматов. Славянская идея у древнерусских книжников (стр. 383—390). Автор, интересующийся в своих работах философскими и идейными течениями в старой русской литературе,¹ в докладе решил проследить по летописным сводам идею о единстве «славянского языка» в ее последовательных изменениях в XV—XVI вв., объясняя в связи с этой идеей и тенденциозность летописей и Степенной книги; в XVI и XVII вв. он намечает новое видоизменение этой идеи в Московской Руси в связи с идеей «Третьего Рима» и западными влияниями здесь.²

¹ Ему принадлежит, между прочим, статья «Платон в древней Руси», Записки Русского исторического общества в Праге, II (1930). В той же книжке, кстати сказать, помещена статья на ту же тему Д. И. Чижевского; о них см. Вуз.-slav. III, 4, стр. 271, 272.

² Этому же вопросу о «Третьем Риме» была посвящена обстоятельная, сводного характера работа, вышедшая в Гамбурге: Hildegard Schraeder, *Moskau, das dritte Rom* (1929) Ср. рецензии Вуз.-slav., II, 1 (1930), стр. 142—144 (М. В. Шахматов), *Slavia*, IX, 4, стр. 630, 631 (А. Кизеветтер).